

БОЛИНГБРОК (Bolingbroke) Генри Сент-Джон (1678—1751), виконт (1712) — английский государственный деятель, философ, публицист. Первый английский теоретик истории как науки. Учился в колледже в Итоне.

Почетный доктор Оксфордского университета (1702). Член парламента (1701), военный министр (1704—1708), государственный секретарь (1710—1714). Возглавлял кабинет министров (1714). В философии примыкал к идеям и концепциям Локка и Шефтсбери. Основные работы: «Письма об изучении и пользе истории» (1735, впервые опубликованы в 1752; в 18 в. в Англии вышло пять изданий этой работы, во Франции — также пять, четырежды «Письма...» издавались в 18 в. на немецком языке), «Рассуждение о партиях» (1733—1734), «Идея о Короле-Патриоте» (1749), «Философские труды» (собрание эссе и разноплановых интеллектуально-литературных опусов, написанных в 1727—1733, изданы в 1754) и др. (пятитомное собрание сочинений Б. было издано посмертно, в 1754). В контексте разделяемых общефилософских парадигм Б. вполне в духе своего времени выступал как сторонник эмпиризма и сенсуализма, как приверженец системы

Мальбранша, полагая, что то обстоятельство, что «природа по видимости или на самом деле как бы подсказывает нам даже сложные формы идей и отношений, равно как и идеи субстанции, не вызывает сомнений». Более того, по Б., даже «планы» и «способы» интеллектуальной рефлексии людей фундируются самой «природой». (Б. писал: «Я рассматриваю систематическое созерцание природы, под которой я понимаю всю систему божественного творения, поскольку она нам открыта, как универсальный источник всех наук, в том числе теологии и этики».) В противовес явной гносеологической и политической ангажированности интеллектуалов Нового времени Б. ориентировался на ценности античного философствования с элементами ренессансного мировосприятия. Тексты Б. предлагают читателю, скорее, проникнуться авторским видением мира, нежели принуждают его к согласию посредством изощренной аргументации.

Творчество Б. было своеобразным возрождением традиций творчества древнегреческих рапсодов, содержащим при этом элементы свободомыслия и деизма. По мнению Б., «истинному христианству учил Господь. Теологическое же христианство — это религия, изобретенная людьми и своей претензией на непогрешимость первого сокрушившая его.

Человеческие страсти, человеческие интересы, человеческие заблуждения — и не только тех или других докторов богословия, а всех экуменических церковных соборов —

от Никейского до Тридентского, каждый из которых внес свою лепту в составление современной путанно-непоследовательной и разбухшей системы теологического христианства". В одном из писем к Свифту Б. подчеркивал: "

;Если под свободомыслящим человеком Вы понимаете человека, свободно пользующегося собственным разумом и доискивающегося до истины без пристрастия и без предубеждений, неизменно ей приверженного, Вы имеете в виду мудрого и честного человека, которым и я стремлюсь быть. Способность различать правое и неправое, истину и ложь — способность, которую мы называем разумом и здравым смыслом, которая каждому даруется нашим щедрым Творцом, но которую большинство людей, пренебрегших ею, утеряло, является светом разума и должна руководить всеми его действиями. Отбросить это правило и направлять нашу мысль божественным откровением — столь же абсурдно, как лишиться себя глаз, отправляясь в путь". Трактуй в качестве основания этики "универсальную благожелательность", Б. понимал под последней "себялюбие" ("истинное себялюбие и социальность — одно и то же... создатель учредил, что они совпадают").

По мнению Б., "все личные и общественные несчастья" происходят из того, что "близкое, хотя и меньшее, благо будет определять поведение большинства людей в противовес гораздо большему, но более отдаленному — даже по нашим собственным меркам — благу". "Моментальные" и "могущественные" страсти несоизмеримо более эффективно обуславливают поведение человека нежели "медленный" и "холодный" разум — полагал Б. Философские взгляды и предположения Б. были призваны стимулировать реальную просветительскую значимость его моральных оценок, формулируемых в контексте достаточно оригинальных описаний исторического процесса. (Ряд фундаментальных идей Б. по вопросам методологии и философии истории — о задачах постижения и "пользе" истории, о способах изучения ее, о критериях различения в ней главного и второстепенного, о степени достоверности древнеримской и ветхозаветной историографии — оказали существенное влияние на творчество Вольтера и традиционно приписываются последнему.) Главное для Б., в этом смысле, раскрытие потенциала исторического материала для нужд не только настоящего, но и будущего.

Согласно Б., историческое познание — предпосылка и основа человеческого познания как такового: история у Б. суть философия, наставляющая людей верным правилам поведения в общественной и частной жизни. ("Поскольку период чудес и откровений остался позади, у человека нет иного способа знать о грядущем, чем попытаться предвидеть его, исходя из истории прошлого и настоящего".) Б. отлучал от подлинной истории тех, для кого история — или забава, или способ сбора салонных анекдотов, или нудная профессия, или средство обретения ученой славы. Традиционалистской "эрудитски-эмоциональной" трактовке истории Б. противопоставил рационально-экспериментальную методику ее постижения в духе высших образцов Просвещения.

По Б., философское осмысление истории предполагает не столько конструирование абстрактной теории исторического процесса, сколько исследование реальной истории как процедур духовной деятельности людей в области политики, этики, права, сопряженное с рациональной критикой исторической традиции библейского типа. Б. отмечал, что «история с умыслом и систематически фальсифицировалась во все времена и что пристрастие и предубеждение — причины как произвольных, так и произвольных ошибок даже в лучших из историй». По Б., в этой области «церковные власти во все времена показывали пример». Тем не менее, утверждал Б., это «не может и не должно служить основой для беспредельного скепсиса в отношении достоверности всей истории». Достаточно надежным эмпирическим основанием для истории нового времени Б. рассматривал «множество историй, исторических хроник и мемуаров, заполнивших библиотеки со времени возрождения наук и начала книгопечатания». Значительно опередила свое время мысль Б. о принципиальной изменчивости историко-научных интересов людей, вызываемых текучестью сопряженного «событийного ряда»: «...даже в зрелом возрасте наше желание знать, что произошло в прошлом, подчинено исключительно нашему желанию соотнести это с тем, что случилось в наши дни...». При этом, согласно мнению Б., «объективно обусловленное сцепление» этого ряда приводит к тому, что, в частности, «новая история показывает причины в тех случаях, когда современный опыт видит одни только следствия». Особый акцент Б. делает на ответственности в выборе аксиологических установок как самим историком, так и самим читателем. (Раздумывая о замысле очередного труда, Б. писал: «...не обращая внимания на суждения и практику даже ученого мира, я очень хочу изложить всем мои собственные».) Наделяя интеллектуальную элиту Англии привилегией свободомыслия (размышления современника о «божественной природе королевской власти» как источнике монархических прерогатив Б. обозначил как «тупое и рабское представление», как «один из величайших абсурдов, когда-либо изложенных на бумаге»). Б. считал возможным и оправданным доминирование религиозных максим в сознании народа, отстаивая, впрочем, мысль о желательности определенной их модернизации. Б. был убежден в здравости идеи «суда исторической справедливости» — пусть и в том облике, когда под идеей оценки ушедших правителей воздают должное вождям современным, выступающим «под реальными именами».

А.А. Грицанов